

УДК 947.06.+37(091)(470)+929

УЧЁНЫЙ И ИМПЕРАТРИЦА: АКАДЕМИК ЭПИНУС И ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

© 2012 Л.М. Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

Поступила в редакцию 27.04.2012

Преобразования в области науки и образования были важной частью модернизации России, ее общественной жизни и культуры в эпоху «просвещенного абсолютизма». Заметную роль в осуществлении политики Екатерины II сыграл академик Франц Ульрих Теодосиус Эпинус.

Ключевые слова: история России XVIII века, история русской культуры и науки, политика «просвещенного абсолютизма», школьная реформа Екатерины II.

Период российской истории, охватывающий вторую половину восемнадцатого столетия и начало девятнадцатого, часто именуют «Веком Просвещения», а проводимую в то время политику – «просвещенным абсолютизмом». Можно, конечно, спорить о том, насколько соответствует практика «просвещенного абсолютизма» философским и общественным идеям Просвещения. Не вдаваясь в детали этих споров, все же следует признать, что принятие просветительских идей в любой мере неизбежно требовало от верховной власти обратить внимание на деятелей науки, использовать их интеллектуальный потенциал как на исследовательском или педагогическом поприще, так и в более широком плане осуществления внешней и внутренней политики государства.

Академика Франца Ульриха Теодосиуса Эпинуса (13.12.1724, г.Росток – 10.08.1802, г.Дерпт) стали считать классиком науки еще при жизни, время только подтвердило подобную оценку. Результаты его исследований были высоко оценены как современниками, в т.ч. Франклином, Кавендишем, Вольтой, Кулоном, так и будущими поколениями ученых: Фарадеем, Кельвином, Максвеллом и др. Не случайно, что в серии «Классики науки» была переиздана в XX веке его самая известная работа «Опыт теории электричества и магнетизма (Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi)», которая вышла в 1759 г. и сделала 35-летнего петербургского профессора одним из основоположников физики электромагнитных процессов¹. Одновременно специалисты в области истории естествознания относят Эпинуса к числу «ярчайших деятелей екатерининской эпохи», игравших важную роль не только в научной, но и в общественно-поли-

тической жизни².

Как ученый Эпинус состоялся уже в родной Германии, став еще в молодые годы доктором философии (1747) и доктором медицины (1748). Однако через свои научные и родственные связи он скоро пришел к выводу, что наиболее благоприятные возможности реализовать интеллектуальный потенциал имеются только в России. Заняв престижную в научном мире должность руководителя одной из лучших европейских обсерваторий Берлинской академии наук, он тем не менее покинул ее по получении приглашения из Петербургской академии наук, которое хлопотал с помощью двух авторитетнейших и влиятельных ученых России и Германии, Г.Ф. Миллера и Л. Эйлера. Там он занял должность профессора физики, ставшую вакантной после трагической гибели Г. Рихмана от молнии во время смертельно опасных опытов с атмосферным электричеством. Именно в области изучения электричества и магнетизма сосредоточились по прибытии в Россию, как было выше сказано, основные научные интересы Эпинуса. Вместе с тем он не оставлял занятий астрономией.

Эпинус проявлял в науке не только исследовательские, но и организаторские таланты, что особенно было заметно при оснащении физической лаборатории и обсерватории, подготовке астрономических наблюдений в Петербурге и экспедиций для таких наблюдений в удаленных от столицы местах. Он выдвинул некоторые опережающие свое время идеи и в смежных отраслях науки и техники: о существовании теплового стока Земли в космос, о возможности долгосрочных прогнозов погоды при наличии глобальной сети метеостанций, о создании управляемого воздушного шара и др.

Надо также упомянуть о глубокой убежденности Эпинуса в необходимости практического

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества. E-mail: smirnov195503@yandex.ru

применения достижений науки в народном хозяйстве. Он был среди тех, кто выдвигал идею общественной организации, объединившей бы ученых и практиков вокруг пропаганды и внедрения научных знаний в жизнь. Не случайно, когда было создано Вольное Экономическое Общество, он стал одним из первых и активных его членов.

Следует также учесть близость Эпинуса ко двору. Он был учителем естественных наук Екатерины II и наследника Павла Петровича, а также жены и сына Павла Марии Федоровны и Александра. Книга Эпинуса «Краткое понятие о физике», которую называют «первым русским учебником начального естествознания»³, была написана как раз для занятий с Павлом I. Она вышла анонимно в русском переводе в 1760 г.

Ко всему изложенному выше следует добавить заслуги ученого перед российской дипломатией и разведкой. Уже при сборах Эпинуса в Петербург Эйлер снабдил подопечного образцами шифров и рекомендательным письмом к Х. Гольдбаху, возглавлявшему с 1742 г. шифровальную службу России. Великий математик прозорливо предугадал еще одну жизненную стезю молодого коллеги, имевшего блестящую подготовку и способности в области «царицы наук». Ведь математика стала одной из первых научных дисциплин, вставшей на прямую службу Российской империи, обеспечивая шифрование и дешифровку конфиденциальной информации дипломатического, военного, разведывательного назначения. В 1765 г. Эпинус, формально оставаясь членом Академии наук, на деле по секретному указу перешел на службу в Коллегию иностранных дел, где заменил умершего Гольдбаха.

Хранитель важнейших государственных секретов кроме профессиональных знаний должен был отвечать еще нескольким условиям, которые имелись у Эпинуса: воспитанная в религиозной семье профессора-теолога немецкая протестантская порядочность, его холостое и бездетное состояние, что усиливало преданность и почти отцовскую привязанность к Екатерине II. Та отвечала своему учителю физики и математики, ею весьма уважаемому, полным доверием. Один из самых ярких тому примеров – составление Декларации о вооруженном нейтралитете (1780 г.), которое, по предположению современников и позднейших исследователей, осуществил по поручению императрицы именно Эпинус. Впрочем, и до работы над этим документом, сыгравшим важную роль в достижении независимости США, его рассматривали как еще редкого для России знатока Северной Америки. В 1764 г. он был призван в качестве эксперта оценить необходимость продолжения экспеди-

ции, организованной по инициативе М.В. Ломоносова, для поиска трансарктического маршрута от Архангельска к дальневосточным владениям России через полярные моря Западного полушария, которые омывают Гренландию и американский континент. Поддержка Эпинусом планов Ломоносова, когда тот скончался, оставив без мощной опоры в научных кругах идею поиска Северного морского пути, оказалась полезной для продолжения российских арктических исследований, важность которых была в полной мере осознана лишь в XX веке⁴.

Однако в перечне достижений выдающегося физика, астронома, математика, общественного и государственного деятеля на первое место знатоками его жизни и творчества ставится участие в создании российской системы народного образования. Именно в этой сфере наиболее ярко проявились просветительская направленность мировоззрения Эпинуса и его вклад в реальную политику «просвещенного абсолютизма».

В наследство от предшествующих царствований начала и середины XVIII века Екатерина II получила школу, которая еще не стала новой в полном смысле этого слова. Элементарная подготовка учащихся по-прежнему основывалась на средневековой традиции чтения религиозных текстов. Преподавание современных наук и специальных предметов также зачастую велось в схоластической форме зубрежки. Учебные заведения не были никак сопряжены друг с другом по программам, не обладали преемственностью. Отсутствовала профессиональная педагогическая подготовка учителей, не применялись рациональные и эффективные методики обучения, катастрофически не хватало учебников и пособий.

Накануне воцарения Екатерины II один из основателей Московского университета И.И. Шувалов вышел с представлением в Сенат об устройстве единой системы образования (школы грамотности в малых городах – гимназии в больших городах – университет или кадетский корпус в столицах), но предназначенной только для дворян⁵. К обсуждению вопроса были подключены другие учреждения, в т.ч. Академия наук. В предложениях ее членов прозвучала мысль о допуске в эти школы и гимназии наряду с дворянами также представителей «чиновных людей и знатнейшего купечества», а также зажиточных мещан или об устройстве наряду с дворянскими особых училищ для других сословий⁶.

Ф.У. Эпинус не подготовил тогда развернутого ответа, а присоединился к мнениям И.А. Брауна и И.Е. Цейгера, предлагавших систему построенных на преемственности обучения школ разного уровня или ступеней единой школы. Однако Эпинусом делалась оговорка, носившая принци-

пиальный характер. В отличие от большинства своих немецких и русских коллег по академии, не представлявших образование без изучения латыни, Эпинус полагал «в нижних школах латинский язык или совсем отставить или оному только тех обучать, кои со временем учеными быть должны»⁷. Это дальновидное предложение было направлено на устранение возможного препятствия для массового вовлечения детей в школу, каким могла стать обязательность усвоения латыни, живой для тогдашней науки, но мертвой для реальной жизни.

Практических результатов обсуждение вопроса, поднятого Шуваловым, не дало. Смерть Елизаветы Петровны привела к удалению ее фаворита от государственных дел.

Эпинус в 1760-1765 гг. служил обер-профессором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Там ему понадобилось не только мастерство лектора, но и умение вести учебно-организационную и методическую работу. В обязанности обер-профессора входили составление программ учебных курсов, в т.ч. военных, поиск преподавателей, контроль за успеваемостью кадетов, проведение экзаменов, создание демонстрационного физического практикума, пополнение фондов библиотеки, помощь преподавателям в подготовке или переводе на русский язык учебников⁸.

Многие ученики и молодые сотрудники Эпинуса по кадетскому корпусу затем сделали блестящую карьеру при дворе, на военной и гражданской службе, что не могло не укрепить авторитет профессора в соответствующих кругах. Служба в корпусе также обогатила его педагогический опыт. Это, несомненно, помогло Эпинусу в дальнейшем при разработке основ русской общеобразовательной школы.

Ключевым документом в истории разработки проекта школьной реформы исследователями признается записка Эпинуса, подготовленная для Екатерины в конце 1781 или начале 1782 г. Подлинник самой записки не найден. Долгое время она была известна лишь по публикации в геттингенском периодическом издании «Штатс-Анцайген». С тех пор, как эта публикация, предпринятая А.Л. Шлёцером в 1783 г., была выявлена и перепечатана в качестве приложения к книге Д.А. Толстого⁹, последующие исследователи, как правило, цитировали русские переписки не переведенного при перепечатке немецкого текста, представленные читателям сначала самим Толстым, а затем Г.И. Смагиной¹⁰.

Оставалось при этом неизвестным то, насколько полно и правильно в публикации Шлёцера был передан изначальный проект Эпинуса. Это обстоятельство и некоторые другие де-

тали разработки реформы стало возможным уточнить благодаря нашей находке в фонде Воронцовых архива Санкт-Петербургского института истории РАН русского текста записки Эпинуса, современного ее составлению, судя по почерку и бумаге конца XVIII в.

Первоначальным толчком, приведшим к разработке этого проекта, стали события 1780 г., когда состоялась встреча австрийского императора Иосифа II с Екатериной II в Могилеве. 25 мая она писала оттуда известному просветителю Мельхиору Гримму, что одной из главных тем их бесед стали австрийские «нормальные» (образцовые – Л.А.) школы, которые представлялись Екатерине II замечательным изобретением¹¹.

Разговор об австрийских школах возник явно не случайно. Конечно, цель визита императора была далеко не просветительская, но он знал, чем угодить своей собеседнице, чтобы расположить ее к себе и сделать для нее более привлекательной австрийскую политику в целом. Иосиф срочно потребовал прислать из Вены в Могилев с первым же курьером по два экземпляра всех книг, выпущенных для нормальных школ, в самых лучших переплетах¹². Подарок был принят Екатериной с радостью¹³. Беседа с Иосифом воодушевила императрицу. Реформа системы образования заняла место среди первоочередных задач.

Благожелательные мнения Гримма, Дальберга и прочих западноевропейских корреспондентов об австрийской школе были Екатериной II учтены, но более надежными экспертами ей представлялись российские центры ученого общества, Московский университет и Петербургская академия наук. Императрице была предоставлена записка первого ректора гимназии при Московском университете Б.Б. Шадена, возглавлявшего ее с основания до середины 1770-х гг., а затем организовавшего один из лучших частных пансионов Москвы. Видный ученый и педагог, среди учеников которого в разное время были Д.И. Фонвизин и Н.М. Карамзин, однозначно призвал перенять австрийские учебные методики и руководства¹⁴.

Самое же сильное влияние на разработку проекта школьной реформы оказала записка Эпинуса. Находка русского варианта ее текста дала возможность нового и более глубокого прочтения этого источника.

В русском рукописном варианте записки отсутствуют обширное вступление, имеющееся в публикации на немецком языке, и заголовок¹⁵. Вступление было составлено, по мнению Г.И. Смагиной, неизвестным лицом, а заголовок «Plan des wirklichen Stats-Rats Hrn. Aepinus» она посчитала названием плана Эпинуса¹⁶. На самом же

деле вступление и заголовок были предпосланы публикации А.Л. Шлёцером.

Собственно текст записки просто начинается со слов, говорящих о том, что разговор ведется между хорошо знакомыми и понимающими друг друга почти с полуслова людьми, а также свидетельствующих о том, что он не предназначался первоначально для широкого обнародования и носил доверительный характер. «Без всяких околичностей к самому делу приступая, надеюсь наилучшим образом удовлетворить высочайшему намерению», – так начинает пересказывать Эпинус свои мысли Екатерине¹⁷. Записка не имеет подписи. Несомненно, что ее не было и в немецком оригинале. «Екатерине II был известен почерк Эпинуса» настолько хорошо, что тот никогда не подписывал своих записок, подаваемых императрице, и «лишь аккуратно ставил даты» на них¹⁸. Количество людей, позволявших себе такую вольность в переписке с Екатериной, было крайне ограниченным, что еще раз подчеркивает степень доверительности отношений между этими корреспондентами. Отсутствие подписи объясняет и то, что документ долгое время оставался неизвестным исследователям, поскольку в архивной описи нет указания авторства.

Русский текст записки можно признать если не авторским, то авторизованным. Скорее всего, выполнен был этот вариант записки при участии самого Эпинуса, который знал русский язык настолько хорошо, что, опираясь на это знание, легко понимал книги, даже написанные на языках южных славян. В любом случае перед нами представлен текст записки именно в том виде, как она воспринималась русскими людьми, в т.ч. законодателем, в конце XVIII в., а не в трактовке человека конца XIX или XX вв., каким пересказ или отдельные переведенные цитаты из записки предстают в книгах Д.А. Толстого и Г.И. Смагиной.

Сохранившийся в архиве перевод записки на русский язык оказал большое воздействие на дальнейшие формулировки законов и других документов по школьной реформе. Например, слово «die Methode», которое переведено у Толстого «методой преподавания», а у Смагиной ближе к современной терминологии «методами преподавания», в русском тексте записки звучит как «способ учения»¹⁹. Именно последнее словоупотребление и встречается в XVIII веке в законах и официальных учебно-методических изданиях²⁰.

Русскому выражению «народное училище»²¹, которым были названы общеобразовательные учебные заведения разного уровня, созданные при Екатерине II, соответствует немецкое «Nationalschule». Видно, как вместо еще не совсем привычной русскому уху «школы» упот-

реблено общепонятное «училище», но еще более примечателен эквивалент слову «народный». Становится очевидным, что в выражение «народное» училище вложен не приниженный «простонародный» смысл, как считали некоторые авторы²², а более приподнятая трактовка этой школы как «национальной», т.е. «государственной» или «общенародной». Кроме того, в австрийских землях новая «национальная», или, как ее еще называли, «немецкая» школа противопоставлялась старой церковной «латинской». В условиях России выражение «народная» школа также приобретало дополнительное значение «ведущая обучение на живом народном языке, а не на церковнославянском», т.е. «светская».

Предполагаемый государственный орган управления школьным делом, названный в немецком тексте «Reichs-Schul-Directorium» и переведенный Толстым и Смагиной как «высшая учебная комиссия», в первоначальном русском переводе звучит как «Главное над училищами правление»²³. Очень похоже этот орган был назван в «Уставе народным училищам» 1786 года: «Главное Училищное Правительство» или «Главное Правительство училищ»²⁴.

Эпинус предлагал не мудрствовать лукаво и максимально точно воспроизвести австрийскую модель реформы, оказавшуюся весьма удачной. Он писал, что «желательно... принять и ввести в Российское государство австрийский план об училищах без всяких перемен, исключая только те, коих требуют местные обстоятельства»²⁵.

«Неоспоримым доказательством» успехов народного образования в Австрии, по его мнению, «служит то, что с учреждением первого нормального училища в 1771 г. до 1779 г.» в Вене и прилегающих районах страны «учреждено было 848 училищ, в коих 31238 мальчиков обучалось»²⁶. Никаких принципиальных препятствий для повторения австрийского опыта в российских условиях Эпинус не усматривал.

Началом всей реформы он полагал немедленное создание 3-4 «нормальных» (в современном Эпинусу переводе «примерных», т.е. образцовых) училищ предположительно в Петербурге, Москве, Казани, Киеве. Такие училища не только давали бы общее образование, но также предназначались для подготовки педагогических кадров, которые, освоив школьные курсы, должны были дополнительно обучиться «наставлению для будущих учителей»²⁷. Обратной стороной данного правила должен был стать запрет заниматься учительской деятельностью всем, «кроме обучившихся и удостоившихся в нормальном училище».

Особое внимание к подготовке педагогов – краеугольный принцип «австрийского» проек-

та. Учитель должен был знать не только свой предмет, но и то, как учить ему детей по научно-обоснованной методике – «способу учения». «Самый образованный человек в Академии наук», как А.Л. Шлёцер называл Эпинуса²⁸, писал об австрийских школах: «Способы обучения (Methoden), в них наблюдаемые, суть удобно понятны и на практических предъусмотрениях основаны; при том сколько мне по собственным моим опытам известно ... совершенно соответствуют к отвращению обыкновенных и легко вкрадывающихся в училища недостатков»²⁹.

Нашему современнику трудно представить, что в число новейших методик, незнакомых даже образованным русским людям, входила задача учителя «занимать учащихся всех вдруг», т.е. работать одновременно со всем классом, а не с каждым отдельным учеником по очереди, как это было в традиционной школе. Такой метод работы требовал снабдить учеников одинаковыми учебниками, а учителей – одинаковыми руководствами, научить тех и других пользоваться наглядным материалом в виде таблиц или других пособий, работать с классной доской и мелом. Соответственно в классе должны были находиться дети одного уровня подготовки, вместе осваивающие одну и ту же программу и переходящие из класса в класс. Необходимо было создать школу нового времени, массовую не только по количеству учащихся, но и по характеру обучения. Принципиальным отличием нового «способа учения» от традиционной ориентации детей на бездумное заучивание стало также требование «приучать их к собственному рассуждению», а на опросах и экзаменах «узнавать их понятие о предлагаемых вещах» вместо механического воспроизведения вызубренного³⁰.

Еще одна важная позиция, точно определенная Эпинусом, заключалась в том, что «способ учения» нельзя было перенять заочно, даже изучив выпущенные по нему руководства. Эта методика, названная Саганской по имени августинского монастыря в Силезии, где настоятелем и руководителем школы был один из создателей «способа учения» Фельбигер, передавалась новым педагогам через практическое знакомство с ней в уже существующих училищах: «Сим образом получают такие люди, кои знают совершенно все учреждения не только умозрительно, но и практически, выгода которая всякого уважения достойна. Каждый здравого рассудка человек признается, что в делах сего рода опыт научает более, нежели до чего можно достигнуть острою разума и прилежнейшим рассуждением». Эпинус указывал, что в Австрийской империи среди перенявших Саганскую методику есть люди, которые говорят на славянских языках и

исповедуют православие. Их и надо попросить у императора для начала подготовки первых русских учителей: «И сие обстоятельство было бы весьма щастливо, дабы в противном случае народ, увидя первых учителей римско-католического вероисповедания, не получил бы, по худо воспринимаемой ревности в вере, отвращения к сим новоустановленным училищам»³¹.

План Эпинуса был представлен императрице на первой неделе марта 1781 г. Для более широкого обсуждения он был переведен на французский и русский языки³².

Записка Эпинуса стала предметом беседы между ним и Екатериной, которая оставила по результатам разговора «Черновые собственноручные замечания императрицы Екатерины II о средних и низших школах». Характерна последняя фраза этих записей: «А вот тое все, что с Эпинусом сложили». Основное место в записях императрицы занимают конкретные указания по реализации намеченных с Эпинусом мероприятий. В Петербурге должна быть учреждена в качестве образца одна «средняя» или «нормальная» школа, первоначальное содержание которой Екатерина принимала на свой счет. Для начала занятий в ней необходимо было перевести все книги, предназначенные для австрийских нормальных школ. Принято решение о создании специального органа по осуществлению образовательной реформы, который здесь назван «школьной комиссиею». Ей предписывалось представить план «для школ Петербурхской губернии», ставшей экспериментальной площадкой реформы, рассмотреть и отредактировать переведенные с немецкого языка учебники, особенно по закону Божьему и родному языку, способствовать подготовке других необходимых переводов и сочинений дидактического и методического назначения. Императрица распорядилась, чтобы посол в Вене «старался нормальных школ учителей достать нашего закона (вероучения – Л.А.) и оных просил у самого цесаря» для укомплектования хотя бы «одной нормальной школы»³³.

В Россию с разрешения императора, правда, приехал только один педагог, но по знаниям и энергии он стоил многих. Это был выдающийся сербский просветитель Ф.И. Янкович де Мириево. 7 сентября 1781 г. последовал первый законодательный акт новой реформы о создании Комиссии об учреждении народных училищ, одним из членов которой стал Эпинус³⁴. Назначенный руководителем Комиссии граф П.В. Завадовский в расстановке группировок при дворе «принадлежал к партии Воронцовых»³⁵. Видимо, он сам и предоставил записку Эпинуса в том варианте, в каком ее использовали в работе Комиссии, т.е. на русском языке, своему знатно-

му другу и союзнику А.Р. Воронцову, благодаря чему та сохранилась в архиве последнего.

С началом деятельности Комиссии была связана и публикация Шлёцером немецкого варианта этой записки. Тот первым справедливо поставил Екатерину II и Эпинуса рядом в деле народного образования: «Императрица, наверное, уже опросила об этом многих ученых и уважаемых мужей: и, наконец, разумно выбрала лучшее среди этого. Достойный муж, план которого, прежде всего, получил одобрение императрицы, и план которого я Вам здесь прилагаю, т.к. я сумел раздобыть точный список оного, – это знаменитый действительный статский советник г-н Эпинус». Школьная реформа в комментариях Шлёцера к публикации охарактеризована как эпохальное событие и «предприятие, которое интересует все человечество»: «Теперь, кажется, находятся на пути, который обещает больше прогресса, чем все другие русские проекты, предпринятые в течение 20 лет: ...из всех дел, которые отличают правление Екатерины II, ни одно не окажет на потомков более непреходящего влияния, ни одно не будет более тщательно занесено в мировые анналы, чем 1. Победы Румянцева над турками и 2. Создание школ по всей империи. Благодаря последнему вернулись времена Ярослава (Мудрого – Л.А.), который сделал своих русских именно с помощью таких учреждений более образованными людьми, чем были в то время итальянцы, французы, немцы и британцы»³⁶.

В составе Комиссии об учреждении народных училищ Эпинус проработал до самого увольнения от всех своих государственных служб по старости и болезням 31 декабря 1797 г. В отставку престарелый ученый вышел в высоком чине тайного советника.

За это время Комиссией было сделано много полезного. По случаю учреждения первого специального педагогического учебного заведения – учительской семинарии в Петербурге – Эпинус получил орден св. Анны с бриллиантами³⁷. Отметим также разработку первого общероссийского закона о народном образовании – «Устава народным училищам». Под докладом, при котором в 1786 г. был поднесен на утверждение императрице этот Устав, «дабы училища были повсюду учреждены на единственном основании и учение бы в оных преподавалось одинаковым же образом»³⁸, как и под другими важнейшими документами школьной реформы, стоит подпись Эпинуса. Труды Комиссии были открыты во всех губерниях «главные» и «малые» народные училища, как тогда называли соответственно средние и начальные школы, подготовлены сотни педагогов и обучены тысячи детей. В 1797 г. в стране под ведением Комиссии дей-

ствовала 281 школа, в них обучалось 17598 детей и работал 721 учитель³⁹. Ряд принципов, на которых строились общеобразовательные школы XVIII века (всесословный характер, бесплатность, совместное обучение мальчиков и девочек, запрет телесных наказаний), были даже более прогрессивными, чем утвердившиеся в следующем столетии.

Для современных исследователей очевидно, что, встав на путь модернизации, Российское государство стало уделять «первостепенное внимание» различным областям культуры, «финансируя и насаждая ее, уничтожая препятствия на пути культурного развития»⁴⁰. Начиная с XVIII в. решение задач по обеспечению условий для проведения внутренних реформ и активной внешней политики не могло ограничиваться только военной, хозяйственной или социальной сферами. Подобные решения должны были непременно затрагивать вопросы развития культуры, науки и образования в России.

Конкретный пример сочетания ученой карьеры и общественного служения, рассмотренный в настоящей статье, также убеждает в том, что политика «просвещенного абсолютизма» в целом и в ее отдельных проявлениях формировалась и осуществлялась не только в придворных или чиновных кругах. К ее разработке и реализации в эпоху Екатерины II были причастны представители зарождающейся научной элиты, видным представителем которой был академик Эпинус.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радовский М. Библиография: Ф.У.Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма / Ред. и прим. проф. Я.Г. Дорфмана. Изд-во АН СССР. Серия «Классики науки», 1951, 564 стр. // Успехи физических наук. 1952. Вып.3. Т.46. С.156.

² Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724-1802): краткая биографическая хроника // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №4. С.4; Дорфман Я.Г. Эпинус и его трактат о теории электричества и магнетизма // Эпинус Ф.У.Т. Теория электричества и магнетизма. Л., 1951. С.465.

³ Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.-Л., 1947. С.295.

⁴ Смирнов Ю.Н. Споры патриотов. Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. №9. С.46.

⁵ Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883. С.16-17.

⁶ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып.3. СПб., 1877. С.55, 88, 329, 331, 334.

⁷ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып.3. С.330.

⁸ Новик В.К. Академик Франц Эпинус... С.14.

⁹ Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. СПб., 1886.

¹⁰ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.) СПб., 1996. С.91-93.

- ¹¹ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т.33. С.181.
- ¹² Толстой Д.А. Городские училища... С.34.
- ¹³ Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму. С.183.
- ¹⁴ Толстой Д.А. Городские училища... С.6-7.
- ¹⁵ Russische Schul Projecte // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. №2. СПб., 1886. С.132-134.
- ¹⁶ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа... С.91.
- ¹⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИРАН). Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.577.
- ¹⁸ Новик В.К. Академик Франц Эпинус... С.29.
- ¹⁹ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.579.
- ²⁰ ПСЗ. Т.ХХII. СПб., 1830. №16421. С.647; Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб., 1783. Ч.1. О способе учебном.
- ²¹ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.577, 578 об. и др.
- ²² Толстой Д.А. Городские училища... С.10.
- ²³ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.583.
- ²⁴ ПСЗ. Т.ХХII. СПб., 1830. №16421. Гл. IX. О Главном Правительстве училищ.
- ²⁵ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.582.
- ²⁶ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.580 об.
- ²⁷ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.578 об., 582.
- ²⁸ Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа... С.90.
- ²⁹ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.580 и об.
- ³⁰ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.579.
- ³¹ АСПБИИРАН. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.582 и об.
- ³² Новик В.К. Академик Франц Эпинус... С.29.
- ³³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.10. Оп.1. Д.434. Л.1-9.
- ³⁴ ПСЗ. Т.ХХI. СПб., 1830. №15507.
- ³⁵ Толстой Д.А. Городские училища... С.36.
- ³⁶ Russische Schul Projecte... С.133-134.
- ³⁷ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912. С.111.
- ³⁸ РГАДА. Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.98 об.
- ³⁹ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Ч.80 (1). Д.38145. Л.4-9.
- ⁴⁰ Моряков В.И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2009. №2. С.43.

**THE SCIENTIST AND THE EMPRESS:
ACADEMICIAN AEPINUS AND CATHERINE THE GREAT**

© 2012 L.M. Artamonova

Samara State Academy of Culture and Arts

The reforms in the spheres of science and education were the vital part of the modernization of Russia, its social life and culture in the epoch of the “enlightened absolutism”. The Academician Franz Ulrich Theodosius Aepinus played an essential role in the realization of Catherine the Second’s politics.

Key words: History of Russia of the 18th century, history of Russian culture and science, politics of “enlightened absolutism”, school reform of Catherine the Great.